

К проблеме перфекта в севернорусских говорах с точки зрения пермских языков

В севернорусских говорах наблюдаются следы давних контактов населения Севера с финно-угорскими народами. Данная статья посвящена вопросу схожести определенных синтаксических явлений, имеющих место в севернорусских говорах и в финно-угорских, особенно пермских языках, а также проблеме возникновения финно-угорского субстрата в синтаксисе севернорусских говоров.

Из этих оборотов особого внимания заслуживает конструкция типа «*трава косить*» (инфинитив + прямое дополнение в форме именительного падежа). Сравнив данную конструкцию с синтаксическими особенностями финно-угорских языков, можно обнаружить общее явление – наличие в них немаркированного объекта. Более того, нужно отметить, что немаркированность – это черта, типичная для финно-угорских языков [10: 20]. Не вызывает сомнения тот факт, что названный оборот в севернорусских диалектах сохранился в силу влияния финно-угорских языков.

Для синтаксиса финно-угорских языков типичными являются безличные предложения и причастные конструкции, напр., венгерский: «*Esik*», коми-зырянский: «*Зерас*», финский: «*Sataa*» (русский: «*Идѣт [дождь]*»), зырянский: «*те sečče loktišjases ažžili*», венгерский: «*Láttam az oda érkezőket*», (русское: «*Я видел туда пришедших*») [10: 10, 35; 11: 97]. В севернорусских говорах также часто встречаются необычные для литературной нормы причастные конструкции, напр., «*у него уехано*», «*у ней замуж выйдено*», «*у него дрова принесѣн*» и т. п. [4: 216-223]. Эти обороты являются яркой особенностью севернорусских говоров, в них причастие встречается в составе сказуемого. Эти предложения имеют безличный характер, и в них используется краткая форма страдательного причастия, которое может быть образовано как от переходного глагола, так и от непереходного, в сочетании с конструкцией «*у*» + «субъект в родительном падеже». Модель типа «*у него уехано*» используется в перфектном значении «*он уехал*». К примеру, «*у волков тут идено*» имеет семантику «*тут или волки (и остались свежие следы)*» и т. д. Такие сочетания часто называют посессивным перфектом. Надо заметить, что, кроме того, в севернорусских говорах существует тип перфекта без «посессивного элемента», а также конструкция с использованием деепричастия: «*билет уже куплений*» (страдательное причастие имеет временное значение), «*девушка уехавши*». При употреблении таких оборотов подчеркивается настоящее состояние и результат действия. Сравнивая данные обороты с пермскими языками, выясняется, что в коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском также существует т.н. неочевидное-результативное прошедшее, которое имеет подобную семантику. В коми-зырянском и коми-пермяцком форма перфекта образуется с помощью

суффикса *-õm*. По происхождению этот суффикс совпадает с суффиксом страдательного причастия прошедшего времени, например, коми-пермяцкий: «*gõrõm му*» (русский: «*вспаханная земля*»). Показатели лица и числа похожи на притяжательные суффиксы [3: 252–253, 279, 286]. Например, коми-пермяцкий: «*мунõмныт*» (русский: «*ты, оказывается, ушёл*»). Подобная ситуация наблюдается и в удмуртском языке: суффикс перфекта *-эм, -м* здесь тоже совпадает с формой причастия, показатели же лица и числа похожи на притяжательные суффиксы. Например: «*мынэмед*» (русский: «*ты, оказывается, ушёл*») [7: 50]. Надо заметить, что парадигма неочевидного-прошедшего времени в современном удмуртском литературном языке сложнее, чем в коми языках, однако в удмуртских диалектах она существует в «простом» виде. Сравним, к примеру, форму «*мынйлямды*» в современном удмуртском литературном и «*мынэмды*» в бавлинском говоре удмуртского языка (русский: «*вы, оказывается, ушли*») [2: 150–152].

Древненовгородский диалект имеет большое значение с точки зрения формирования севернорусских говоров. Страдательные причастия в древненовгородском диалекте также использовались в предикативной функции. Среди примеров обнаруживаются следующие конструкции «*а оу него ти крадено*», «*на Бозъ пол(о)жено и на басо*». Они относятся к XI – XIV вв., т.е. именно к той эпохе, когда началось контактирование между Новгородом и народом коми [1: 182–183].

Учитывая территорию распространения севернорусских говоров, мы можем предположить, что анализируемое явление является результатом субстрата финно-угорских языков.

Что такое языковой субстрат? Это слово происходит от латинского *sub* – низкий и *stratum* – слой. Субстрат – это одна из форм языкового взаимодействия. Обычно наблюдается при переходе населения в результате завоевания. При этом местная языковая традиция обрывается, её носители перенимают традицию другого языка (диалекта), но в новом языке (диалекте) остаются черты языка исчезнувшего. При субстрате языковые контакты являются более глубокими и значительными. Субстратные явления возможны во всех структурных единицах языка и всегда имеют этногенетические связи. С.А. Мызников занимался исследованием происхождения лексики вышеназванной территории. Часть своей книги ученый посвятил проблеме изучения субстрата данных говоров. По его мнению, в северном диалектном ареале существуют следующие субстратные типы: общеприбалтийско-финский, вепсский, общекарельский, ливвиковский, карельский тверской, людиковский, водско-эстонский, саамский, коми и балтийский [6: 304–347]. Результаты его исследования показывают, что в истории формирования диалектов северо-западной территории большую роль играли прибалтийско-финские языки и народы. Однако он замечает, что роль народа коми в формировании северного диалектного ареала могла быть значительнее, чем принято считать, поэтому

синтаксис русских говоров необходимо изучать более детально и обязательно в контексте синтаксиса этих языков.

Исторические данные говорят о том, что в VIII–IX веках между племенами словене, чудь и весь возникают прямые контакты. Согласно историческим источникам народ «чудь» сыграл большую роль в жизни древнего Новгорода. Из исторических памятников мы узнаем, что на новгородском вече говорили «по-чудьски». Однако название «чудь» не совсем однозначно. На протяжении многих лет это название не всегда обозначало один и тот же народ. По сей день среди историков продолжаются споры о том, кем они могли быть. Сначала под этим названием упоминали только прибалтийско-финские народы, потом значение стало шире, под этим словом в памятниках подразумевались и другие нерусские народы. Заметим, что так называли и предков коми. Несмотря на множество перечисленных значений слова чудь, очевидно, что в разных источниках это название обозначало все же какой-то прибалтийско-финский народ или прибалтийско-финские народы и коми вместе. Изучая историю финно-угорских народов, можно встретить термин «чудь заволочская». Первый раз он появляется в русских летописях XI века. Из памятников XIV века выясняется географическое положение этого ареала: территория по рекам Северной Двины и Сухоны. Можно предположить, что восточные соседи «заволочских чудей» по Северной Двине были предками народа коми [9: 335–341, кратко об истории коми см. также 8: 91–97]. Коми в XV веке начинают зависеть от власти Новгорода. Народ коми играл большую роль в торговых отношениях между русскими и другими народами. С нашей точки зрения важно учитывать и то обстоятельство, что на территории нынешней Архангельской области существовал их западный центр, где могли иметь место контакты с прибалтийско-финскими народами. Исследуемые нами конструкции особенно активно используются именно здесь [о топонимии ареала см. 5: 2]

На основе анализа представленных выше конструкций, а также исходя из исторических данных, мы предполагаем наличие финно-угорского языкового субстрата в синтаксисе севернорусских диалектов. Наше исследование показало, что финно-угорские народы сыграли значительную роль в жизни славянских народов, проживающих на этой территории, где сегодня употребляются рассмотренные выше конструкции. Позже часть финно-угорских народов была ассимилирована восточнославянскими народами. В северных диалектах можно найти следы финно-угорского влияния, особенно в области топонимии и лексики. Мы предполагаем, что непосредственно в русском языке данный оборот распространился посредством экспансии восточнославянских племен при их контактировании с предками народа коми. На наш взгляд, те факты (территория, время, процессы экспансии народов и языковые данные), которые мы привели в связи с грамматикой и историей финно-угорских языков и народов, дают нам достаточно доказательств, чтобы говорить о финно-угорском языковом субстрате.

Изучая явление субстрата в целом, следует предположить, что исчезновению коренного языка предшествовало явление билингвизма. Сегодня мы можем наблюдать похожие процессы в местах проживания финно-угорских народов в пределах России. Как известно, финно-угорские народы в России составляют меньшинство по сравнению с русскими, почти каждый носитель того или иного финно-угорского языка владеет и русским. Не секрет, что многие финно-угорские народы на сегодняшний день переживают языковую ассимиляцию. Несомненно, требуется более глубокое изучение синтаксических конструкций, обнаруживающих схожесть в русских говорах и различных финно-угорских языках. Безусловно, результаты исследования русского диалектного синтаксиса являются важными и для финно-угорского языкознания.

Литература и источники

1. Зализняк А.А.: Древненовгородский диалект. Москва, 2004.
2. Кельмаков В.К.: Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск, 2006.
3. Лыткин В.И.: Коми-пермяцкий язык. Кудымкар, 1962
4. Мещерский Н.А.: Русская диалектология. Москва, 1972.
5. Мусанов А.Г.: История изучения коми географических названий. В сб: *Onomastica Uralica* 2.
6. Мызников С.А.: Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах северо-запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
7. Csúcs Sándor: *Chrestomathia Votiacica*. Budapest, 1990.
8. Dobó Attila: A komik története. In: *Nyelvrokonaink*. Budapest, 2000. 91-97 pp.
9. Klima László: Keresztül a vízvásztón (a volok és a zavolocsjei csúdok). In: *Magyar Nyelvjárások XLI. Köszöntő könyv Nyirkos István 70. születésnapjára*. Debrecen, 2003. 335–341 pp.
10. Lakó György: A magyar mondatszerkezet finnugor sajtáságai. Pécs, 1991.
11. Rédei Károly: *Chrestomathia syrjaenica*. Budapest, 1978.
12. <http://mnytud.arts.unideb.hu/onomural/kotetek/ou2/12musane.pdf> (проверено: 2012. 04. 04.)